

На правах рукописи

Леонтьев Глеб Дмитриевич

**УТОПИЧЕСКИЕ ИНВАРИАНТЫ
«ИДЕАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА»**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

30 ЯНВ 2019

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

008700141

Казань – 2019

Работа выполнена на кафедре философии и истории науки ФГБОУ ВПО
«Казанский национальный исследовательский технологический университет»
имени С.М. Кирова

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Курашов Владимир Игнатьевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Кутырёв Владимир Александрович
доктор философских наук, доцент
Яковлева Елена Людвиговна

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Защита состоится 28 февраля 2019 г. в 12.00 на заседании
диссертационного совета Д 212.081.33 при Казанском (Приволжском)
федеральном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 35,
уч. корп.2, ауд. 1607.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке имени
Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) Федерального университета.

Электронная версия автореферата размещена на официальных сайтах
Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки
Российской Федерации (<http://vak2.ed.gov.ru/>) и Казанского (Приволжского)
федерального университета (<http://kpfu.ru/>).

Автореферат разослан «   » января 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент

 Г.К. Гизатова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Социально-политическая динамика XX-XXI вв. свидетельствует о продолжающемся поиске социальной справедливости, социального идеала, актуализируя тем самым философскую проблематику утопического дискурса. Только в XX в. были предприняты три глобальные попытки создать наилучшее общество – либерально-демократическое, национал-социалистическое и коммунистическое. Однако каждая из воплощенных утопий со временем переросла в полную противоположность – в полицейский, тоталитарный и антиутопический режим. Оптимизм Нового времени сменился потерей ориентиров общества постмодерна. Смена мировоззренческой и исследовательской парадигмы, крушение веры в классику утопических построений актуализирует поиск инвариантных черт утопии, выяснение их адекватности сегодняшней действительности, особенно в соотношении с феноменом идеологического сознания. Выяснить причины перевоплощения утопии в процессе ее реализации, сравнить теоретические построения с практической объективностью, а значит, осмыслить статус утопического в системе общественного сознания и общественных отношений, определить критерии идеального мироустройства, отвечающего вызовам современности – одна из важнейших исследовательских задач, решение которой позволит своевременно выявлять тенденции трансформации социально-ориентированного идеала в антигуманистические конструкты. В контексте российского бытия социально-утопические идеи являются основой выхода из мировоззренческой фрустрации, базисом консолидации гражданского общества. Анализ теоретических построений и практически воплощенных моделей идеальных социальных образований позволит обозначить как подводные камни реализации утопических идей, так и их потенциальные возможности, тем самым приближаясь к «месту сборки» гуманистически ориентированных идей общественного устройства. Выделим основные научно-теоретические и практические факторы, актуализирующие данную тему:

1) теоретические построения новых форм идеальной социальности, лучшего будущего в виде современных полиутопий и практопий создают противоречие с бытующим утверждением о кризисе или даже конце утопии, тем самым исследование философских оснований утопического дискурса получает новый импульс;

2) современная неоклассическая философия, с присущим ей системно-ситуационным пониманием бытия предполагает не декларативную, а практическую ценность качества человеческой жизни. Гуманистические интенции общества требуют воплощения в социальном мироустройстве, а значит – обуславливают выработку критериальных основ «идеального общества»;

3) для российской действительности:

- анализ теории и практики идеального социального устройства способствует: с одной стороны, своевременному выявлению латентных

социальных угроз процессу демократизации российского общества, с другой стороны, определению потенциальных точек роста, базирующихся на гуманизме утопического проектно-протестного мировоззрения.

- утопическая проблематика является социально-философской основой формулирования социального идеала, способного интегрировать общество и продуцировать гражданское самосознание.

Таким образом, перманентность современных социальных трансформаций актуализирует обращение к социально-проективным возможностям утопического феномена. Исследование сущности и структуры утопического дискурса, креативного потенциала социально-утопических моделей мироустройства ориентировано на достижение теоретических результатов, которые могли бы способствовать решению практической задачи по преобразованию современного общества.

Степень научной разработанности темы

Источниковая база исследования утопического дискурса формируется на протяжении развития всей философско-теоретической мысли. В контексте европейской утопической традиции принципы идеального общественного и государственно-правового устройства формулируются древнегреческими учеными: с идей Бианта, Солона и Фалеса, по мнению Аристотеля, берет начало древнегреческая демократия. Полисное устройство греческих сообществ обуславливает понимание совершенного человеческого общества как создание идеального государства. Благодаря Пифагору, концепт «идеальное государство» будет рассматриваться последующими мыслителями (например, Сократом) как производный от духовных (в том числе этических) качеств личности. На формирование совершенного общества посредством осуществления идеала справедливости направлена теория идеального государства Платона, получившая дальнейшее развитие в трудах античных философов: Аристотеля, Цицерона и Луккиана. В контексте теоцентрической картины мира средних веков гармонизировать веру и разум, град Земной и град Божий попытаются Августин и Фома Аквинский. На стыке Позднего Средневековья и Ренессанса заканчивается период протоутопии (предутопии). Отправной точкой для теоретических построений будущего идеального общества служат «Утопия» Т. Мора и «Город Солнца» Т. Кампанеллы. В период Нового Времени будут предложены десятки альтернативных форм общественного устройства: технократическая Атлантида Ф. Бэкона, Республика Океания Д. Гаррингтона, кооперативно-фаланстерские сообщества Ш. Фурье, «общество индустриалов» А. Сен-Симона, англо-американские коммуны Р. Оуэна и коммунистический рай Икарни Э. Кабе.

В Новейшее время утопические произведения развиваются в жанре научной фантастики, например: «Магелланово облако» С. Лема, «Нам, живущим» Р. Хайнлайна, «Остров» О. Хаксли, «Каллисто» Г. Мартынова и роман «Красного Гамлета» – А. Богданова о гармоничном общественно-коллективе на марсианской Звезде. Среди отечественных писателей-публицистов прошлых веков к утопическому жанру проявляли интерес

А. Радишев, В. Одоевский, Н. Чернышевский. Противоречия социальной практики Нового и Новейшего времени актуализируют жанр антиутопии – это романы О. Хаксли, Дж. Оруэлл, К. Воннегута, Е. Замятина, А. Платонова, А. и Б. Стругацких, а разработка идеи справедливого социально-государственного устройства в философско-политических трактатах становится основой для построения как либерального, так и социалистического общества.

Утопия и идеальное общество как объекты теоретического анализа и научной рефлексии в настоящее время имеют многоаспектную представленность в исследовательской литературе.

Работы зарубежных и отечественных исследователей проблем утопического дискурса можно классифицировать по следующим тематическим группам.

- Утопия как специфический тип сознания, как «образ мышления» и «принцип надежды», как проявление «природы человека», «образ будущего» и всеобщее свойство бытия исследуется в работах Аинса Ф., Блоха Э., Вахштайна В., Кирвеля Ч.С., Маравалля Х.А., Мильдона В.И., Ортега-и-Гассета Х., Полака Ф., Пономаревой Г.М., Сафиной А.М., Сизова С.С., Смирновой Ю.Д., Учайкиной Н.И., Фогта А., Чаликовой В.А., Чертковой Е.Л. и др. В данных исследованиях утопия рассматривается не только с позиций жанровой специфики социального моделирования, но как универсальная характеристика сознания и условие человеческого бытия.

- Сущность утопии во многих исследованиях раскрывается в сопоставлении с иными социокультурными феноменами. Например: связь утопии и идеологии исследовали Бакулов В.Д., Баталов Э.Я., Гуревич П.С., Жижек С., Кравченко И.И., Мангейм К., Рорти Р., Сизов С.С., Чаликова В.А. Сопоставление утопии и мифа осуществлено в работах Баталова Э.Я., Кравченко И.И., Митиной Н.Г., Паниотовой Т.С., Савиной Л.В., Шацкого Е., Швайгерта А.В. и др. Проблематика идеала, взаимосвязь утопии и социального идеала раскрывается в исследованиях Бакулова В.Д., Бахтиной Т.А., Баталова Э.Я., Берлина И., Гаврилова Е.О., Ильенкова Э.В., Искандаровой З.Г., Истамгалина Р.М., Лекторского В.А., Маслова Е.С., Нениной И.М., Новгородцева П.И., Савиной Л.В., Сизова С.С., Чертковой Е.Л., Шестаковой И. С., Шатулы Т.Г. и др.

- Различные варианты типологии утопий и утопического сознания разработали Александр Дж., Баталов Э.Я., Мангейм К., Мэмфорд Л., Мэньюэль Ф. и Фр., Полак Ф., Сизов С.С., Франк С.Л., Фролова И.В., Чаликова В.А., Черткова Е.Л., Шацкий Е. и др. Классификация утопических типов идеальных государств представлена в работе Чертковой Е.Л.

- Социально-философские основы идей социализма, изложенные в трудах Маркса К. и Энгельса Ф., их трансформация в учении Ленина В.И. и его соратников, советская практика «реального утопизма» вызывают интерес ученых с различными мировоззренческими позициями. Автор данной работы апеллирует к научному мнению следующих исследователей: Бердяев Н.А., Бжезинский З., Вышеславцев Б.П., Гранин Ю.Д., Дарендорф Р., Зиновьев А.А.,

Капустин М.П., Клейс Г.Р., Кукатас Ч., Кумар, К., Лабрика Ж., Межуев В.М., Медведев Р.А., Медушевский А.Н., Ойзерман Т.И., Палий И.Г., Плеханов Г.В., Степун Ф.А., Троцкий Л.Д., Федотов Г.П., Фромм Э., Хайек Ф., Чалидзе В. и др.

- Исследованию антиутопии как особого рода рефлексии утопического посвящены работы Бойко М.Е., Белоусовой Н.О., Гречко П.К., Дыдрова А.А., Морсона Г., Петрихина А.В., Тузовского И.Д., Чаликовой В.А., Филатова В.И., Шацкого Е., Якушевой Н.Б. и др.

- В контексте современных постиндустриальных тенденций виртуализации и информатизации, медиатизации и экологизации, альтернативистики и цивилизациологии проблемы утопического рассматривают Бестужев-Лада И.В., Бузгалин А.В., Гарпушкин В.Е., Гусев Д.В., Желтикова И.В., Жигункина Л.В., Костяев А.И., Курашов В.И., Максимова Н.Ю., Паниотова, Т.С., Робертсон Р., Тузовский И.Д., Уотерс М., Яхина А.П. и др. Дискуссионные проблемы трансгуманистических перспектив на основе конвергенции наук и технологий обсуждают Алексеева И.Ю., Аршинов В.И., Дубровский Д.И., Желнин А.И., Кутырёв В.А., Лекторский В.А., Лепский В.Е., Сергеев С.Ф., Степин В.С., Чеклецов В.В. и др.

Таким образом, несмотря на неоднозначность восприятия идеи идеального общества, жизнеспособность феномена утопии продолжает аккумулировать исследовательский интерес. Вместе с тем некоторые аспекты заявленной в диссертации проблемы, остаются недостаточно изученными. Прежде всего, это структурирование исследуемого феномена, обоснование его специфической сущности на основе конкретизации функциональной направленности утопического сознания; выявление системообразующих инвариантов и тенденций их дальнейшей трансформации в соответствии с изменением парадигмы научного мышления и социальной практики.

Объектом исследования является идеальное общество как социально-утопический проект.

Предмет исследования – утопические, социально-гносеологические основания идеального общества и инварианты утопического дискурса.

Целью исследования является обоснование системообразующих инвариантов утопии для социально-философского анализа практики «идеальных» социальных образований современности.

Реализация поставленной цели достигается посредством решения следующих задач:

1. Раскрыть сущность феномена утопии, выявить ее структурные элементы и их взаимосвязь;
2. Выделить и проанализировать системообразующие инварианты утопического дискурса;
3. Проанализировать специфику причинно-следственной взаимообусловленности утопической теории и социальной практики «идеального общества»;

4. Определить социальные и гносеологические основания кризиса классической утопии;

5. Выявить утопические инварианты неклассических мега-проектов эпохи постмодерна в контексте возможных сценариев цивилизационного развития.

6. Обозначить направления эволюции постнеклассического утопического дискурса на основе анализа инновационных форм «идеального общества».

Теоретико-методологические основы исследования

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы анализа и синтеза, экстраполяции, классификации, индукции и дедукции.

С позиций системного и структурно-функционального подхода утопия исследована как нормативно-коммуникативное образование, обладающее собственной структурой, системной целостностью и функциональным назначением. Системообразующие характеристики выделены как инварианты утопического дискурса и проанализированы в контексте его классического и постклассического развития.

На основе компаративного подхода выделены константные характеристики утопии в ее сопоставлении с идеологией.

Конкретно-исторический анализ дал возможность проследить причинно-следственную взаимообусловленность социальных условий бытия, содержания утопической идеи, результативности попыток ее практического воплощения.

Учитывая, что логика утопического мышления выстраивается в направлении от должного к сущему и активизируется в ситуации социальной энтропии и хаоса, закономерно обращение к социально-синергетической методологии.

Основной теоретической базой исследования являются:

- «принцип Надежды» Э. Блоха как человеческое желание освобождения и осуществления, на основе которого в «Онтологии Еще-Не-Бытия» самопорождается конкретная утопия;
- идеи К. Мангейма о принципах разграничения утопии и идеологии, о преобразующем воздействии утопии на социальное бытие;
- концепция Открытого общества К. Поппера, его предостережение о диктатуре идеи и смене идеала в условиях тотальной «утопической инженерии» и жесткой централизации;
- концепции, обосновывающие качественную специфику современного общества как постиндустриального, информационного, сетевого, информационного, постэкономического и др. (Белл Д., Иноземцев В.Л., Кастельс М., Масуда И., Ростои У., Турен А. и др), теория «практической утопии»-практопии Э. Тоффлера и «постчеловеческий мир» Ф. Фукуямы;
- теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса как основа понимания мировоззренческих координат информационного общества, с идеей социального дискурса, консенсуальности через гармонию свободы и общественного блага. Для утопического дискурса современности актуально

соотнесение идеи осуществления социальной справедливости с понятием «реалистической утопии прав человека», с концепцией демократии участия;

- концепция «общей эсхатологии» В.И. Курашова, предполагающая «синтез» естественнонаучных и мировоззренческих средств познания, философско-методологический критический анализ потенциальных гуманитарных угроз и рисков, их пролонгирование из настоящего в будущее и возможность дистопического углубления;

- синергетический принцип детерминации будущим как основа опережающего отражения действительности, в соответствии с которым утопические конструкты в качестве тенденций с необходимостью наличествуют в настоящем, актуализирует утопические интенции индивидуального и общественного сознания.

Научная новизна исследования обуславливается постановкой проблем, рядом положений и выводов, полученных в ходе исследования, позволяющих уточнить представление о сущности и перспективах развития утопического дискурса:

- Обоснована дискурсивно-регулятивная сущность феномена утопии. Дискурсивность утопии понимается как рефлексивно-коммуникативный процесс артикуляции социальных ценностей идеала, а ее нормативно-регулятивный компонент формируется в критическом сопоставлении сущего и должного.

- С позиций онтологического «принципа надежды» Э. Блоха и инструментально-мобилизационного «преобразующего воздействия» К.Мангейма определены структурные элементы утопического дискурса, а именно: утопическая идея, утопическое сознание и утопическое преобразование действительности.

- Выделенные инвариантные характеристики утопии (рациональность, критичность, проскитивность, трансцендентность и универсализм) позволили обосновать пролонгирование утопического дискурса в истории. На основе сопоставления утопии и идеологии выявлена специфика утопического феномена, которая проявляется в инвариантах эскизности, сингулярности и константности соответственно следующим критериям сравнения: взаимоотношение будущего и настоящего; индивидуального и общественного; предельной цели и сиюминутной целесообразности.

- Советская социалистическая практика «идеального общества» определена в координатах «реального утопизма», констатирующего разрыв между содержанием утопической идеи и ее воплощением в реальной действительности. Обоснована тенденция к идеологическому перерождению утопического проекта в процессе его практической реализации.

- Раскрыта адаптивная сущность утопических инвариантов в контексте мировоззренческого перехода к постмодернистской парадигме. Наличие утопических инвариантов в дискурсе постмодернизма свидетельствует о преодолении кризиса классической утопии, о развитии новых форм социально-утопического конструирования.

- В контексте инвариантных характеристик утопического неклассического дискурса концепция альтерглобализма определена как один из возможных мега-проектов «идеального общества» постмодерна. Показано, что ценностные установки альтерглобализма как разновидности неклассического типа утопии противодействуют укоренению дистопических тенденций глобализма и антиглобализма.

- Обосновано наличие социотехнологического, процедурно-процессуального подхода к разработке постнеклассических проектов «идеального общества». В контексте утопических инвариант данный подход обуславливает как формирование позитивно-реалистичных практик (цифровые утопии), так и развитие футурологических построений, граничных с дистопией (трансгуманизм).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Целостность утопического феномена сохраняется посредством взаимосвязи его аксиологических, гносеологических и проектно-праксеологических компонент, а именно: утопической идеи, утопического сознания и утопического преобразования действительности. На основе анализа специфики и взаимодетерминации данных структурных элементов обоснована дискурсивно-регулятивная сущность утопии. Дискурсивность утопии понимается как рефлексивно-коммуникативный процесс артикуляции социальных ценностей идеала. Нормативно-регулятивный компонент формируется в критическом сопоставлении сущего и должного. Дискурсивность и нормативность поддерживаются комплексом функций утопического сознания: коммуникативно-просветительской, целеполагающей, оценочно-критической, социально-познавательной, регулятивно-проектной.

2. К системным характеристикам утопии относятся: рациональность, критичность, проективность, трансцендентность и универсализм. Сопоставление утопического и идеологического осуществлено по трем критериям: взаимоотношение будущего и настоящего; индивидуального и общественного; предельной цели и сиюминутной целесообразности. В контексте компаративного анализа идеологического конструкта с утопическим феноменом специфика последнего обусловлена следующими инвариантами: эскизность, сингулярность, константность.

3. Специфика причинно-следственной взаимообусловленности утопической теории и практики «идеального общества» проанализирована на примере социализма советского типа. Обоснована тенденция к идеологическому перерождению утопического проекта в процессе его практической реализации. Суть социальной практики советского «идеального общества» определена понятием «реальный утопизм», негативная семантика которого констатирует разрыв реальности и утопической идеи.

4. Определены социально-гносеологические основания кризиса классической утопии: неадекватность практического воплощения идеалов индустриального общества, разочарование в прогрессистском мировидении и

социальном целеполагании; гносеологический плюрализм и социокультурный релятивизм информационной эпохи, умножение форм и способов конструирования идеала. В обществе после Модерна утопические характеристики не утрачиваются, но адаптивно трансформируются, порождая инновационные формы утопии.

5. В контексте инвариантных характеристик утопического неклассического дискурса постмодерна рассмотрено социальное движение альтерглобализма, предлагающее глобализирующемуся миру альтернативный мега-проект идеального социального образования. Обосновано, что социально-ориентированная сущность альтерглобализма, соответствующая принципу «Единство в многообразии» создает основу противодействия дистопической устремленности глобализма и антиглобализма.

6. Постнеклассические проекты идеального общества представлены «цифровым» и трансгуманистическим будущим в соответствии с актуальными направлениями научно-технологического развития. В контексте анализа утопических инвариантов выявлено доминирование процедурно-процессуального, социотехнологического подхода, способствующего, с одной стороны, формированию оптимистических практик, а с другой стороны, при снижении социогуманитарной составляющей, – развитию футурологических построений, пограничных с дистопией.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в систематизации и уточнении отдельных теоретических положений, а также в приращении научного знания в области исследования феномена утопического. Данные наработки могут быть использованы при подготовке базового курса Философии для высших учебных заведений, а также при разработке факультативных курсов, посвященных проблемам утопии, политической философии, футурологии, философии управления и социального проектирования. Работа вносит вклад в методологические принципы принятия актуальных управленческих решений в области социальной политики. Иной ракурс практической значимости исследуемой тематики связан с пространством публичной политики, на эффективность реализации которой оказывают влияние закономерности функционирования массового сознания, понимание сущности утопического сознания и оптимальных принципов конструирования идеальных моделей будущего.

Апробация работы

Основные положения и выводы диссертационного исследования представлены в рамках следующих научных мероприятий:

5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEM – 2018: Albena, Bulgaria (Web of Science); VIII Международная научно-практическая конференция «Социальная онтология в структурах теоретического знания», Ижевск, УдГУ, 2016 г.; IV Международная научно-практическая конференция «Организационно-управленческие механизмы антикоррупционной деятельности: российский и зарубежный опыт», Москва, РЭУ им. Г.В. Плеханова, ноябрь 2016 г.

Всероссийские научные и научно-практические конференции, в том числе с международным участием: «Утопические проекты в истории культуры (к 500-летию «Утопии» Томаса Мора)», Ростов-на-Дону, ЮФУ, 2016г.; «Утопические проекты в истории культуры. «Город Солнца»: в поисках идеального локуса», Ростов-на-Дону, ЮФУ, 2018г.; «100-летие Великой русской революции: диалог ученых и учителей», Казань, КНИТУ (КАИ) им. А.Н. Туполева, 2017г.; «Тенденции и закономерности развития современного российского общества: экономика, политика, социально-культурная и правовая сфера», Чистополь, 2013г.; «Экологизация как условие инновационного развития России», Нижнекамск, 2013г..

X Региональная научная конференция «Философские проблемы: вчера, сегодня, завтра. Проблемы развития общественных отношений в условиях современной России», г. Ростов-на-Дону, РГЭУ (РИНХ), 2017г.; вузовские конференции «Дни науки факультета социотехнических систем», Казань, КНИТУ им. С.М. Кирова, 2015, 2016, 2017, 2018 гг.

Результаты исследования обсуждались на аспирантских научно-методических семинарах, заседаниях кафедры, использовались в учебном процессе КНИТУ им. С. М. Кирова при проведении семинарских занятий по курсу «Философия», в том числе на английском языке. Отдельные теоретические положения использовались при подготовке методических рекомендаций для студентов по курсу Философия. На основе материалов диссертационного исследования разработано и опубликовано учебное пособие.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите кафедрой философии и истории науки Казанского национального исследовательского технологического университета им. С.М. Кирова.

Публикации. По теме диссертации автором опубликовано 16 работ, в том числе 5 статей в изданиях, рекомендованных в перечне ВАК РФ, две статьи в журналах, индексируемых в БД SCOPUS, одна публикация в сборнике международной конференции SGEM, индексируемой в БД Web of Science и одно учебное пособие.

Структура работы

Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, включающих шесть параграфов, заключения, библиографического списка использованной литературы – 254 наименования. Объем работы составляет 150 страниц без учёта списка использованной литературы, полный объем работы – 174 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность исследования, анализируется степень научной разработанности проблемы, формулируются цель и задачи работы, ее теоретико-методологические основы, дается краткая характеристика научной новизны и практической значимости проведенного исследования.

В первой главе «Утопия как объект социально-философского исследования» проанализированы основополагающие категории по исследуемой теме, определена структура, взаимосвязь основных элементов и инвариантные характеристики утопического дискурса.

В первом параграфе «Утопия как дискурсивно-регулятивный феномен» осуществлен анализ сущности утопии и ее структурных элементов.

Артикуляция утопических идей определяется в исследовании понятием дискурса, исходя из критической составляющей как утопии, так и дискурса. Дискурс, согласно расширенной трактовке термина, есть «инструмент социальной критики» (Э. Гоулднер), и, через критику – рефлексивный, информационно-коммуникативный процесс (Ю. Хабермас) проговаривания-утверждения ценностных оснований идеального. Дискурсивные практики в пространстве утопического на основе критического осмысления действительности продуцируют ответы на вопрос о лучшем мироустройстве.

На основе теории самоорганизации утверждается наличие корреляции между общей социальной напряженностью и интенсивностью ценностно-идеализированной реакции на несовершенства реального мира. Активизация утопической мысли характерна для кризисных периодов, когда система в точке бифуркации осуществляет выбор из возможных социальных альтернатив. Утопия, ориентированная в будущее, мотивирует корректировку настоящего в соответствии с актуальными интенциями социальной системы. Тем самым, видоизменившееся общество обретает возможность сохранить свою целостность и жизнеспособность. Значит, неприятие или приглушение утопического дискурса – это отказ от его регулятивных, преобразующих возможностей. Поэтому социальную утопию предлагается рассматривать как элемент саморегуляции общества, как самосохранение социального, а значит, как целостный дискурсивно-регулятивный феномен.

Обосновано, что аксиологические, гносеологические и проектно-праксеологические основания утопического дискурса обуславливают его структуру. К элементам структуры утопического дискурса относятся: утопические идеи, утопическое сознание и преобразование действительности. Утопические идеи формируются в настоящем с позиций должного, а воплотившись в идеале, начинают движение от должного к сущему. Утопическое сознание проявляет себя в диалектике кризисного и стабилизационного типов социального сознания. Преобразующая деятельность активизируется, когда утопические идеи становятся регуляторами социальных отношений и постулируют соответствующие нормы мышледействий.

С целью определения специфики утопической формы ценностного сознания определены и раскрыты его функции: коммуникативно-

просветительская, целеполагающая, оценочно-критическая, социально-познавательная, регулятивно-проектная.

Реализацию коммуникативно-просветительской функции обеспечивает образно-понятийный язык, формирующийся вследствие совмещения в утопическом сознании чувственно-конкретного и абстрактно-логического мышления. В процессе распространения утопической идеи ее смысл обретает личностную значимость для каждого реципиента. Как следствие, человеческое сообщество интегрируется на основе единой целевой установки. Функция целеполагания, с точки зрения формы, креативно воплощается в образе идеального общества. Конкретные очертания образ желаемой цели обретает в оценочно-критической направленности утопического сознания. При реализации данной функции задействованы как рассудочный анализ, так и эмоциональное неприятие налично-эмпирических условий жизни. Осознание человеком себя и своего бытия через трансцендирование всеобщих смыслов желаемого будущего можно охарактеризовать как социально-познавательную функцию утопического сознания. Осмысленные социальные принципы идеального будущего становятся внутренними регуляторами мыследействий индивида, стимулируя реализацию проектно-регулятивной функции.

Но утопическим проектом идея становится только при наличии установки на практическую реализацию, когда общая программа построения идеального общества конкретизируется выработкой способов практического действия. Отрицание в форме протеста и конструирование в форме проекта свидетельствуют о протестно-проектном характере преобразования действительности. Артикуляция программных социально-критических и социально-конструктивных идей и действий позволяет отнести утопию к антисистемному типу социальных протестов.

Парадокс заключается в том, что с одной стороны, утопический проект обеспечивает возможность практических преобразований, а с другой стороны, полная реализация утопического проекта отрицает саму утопию.

Смысловая двойственность понимания утопии раскрывается в категориях 1) позитивно-«утопического», воспринимаемого обществом в виде стратегически востребованного проекта, и 2) негативно-«утопистского», т.е. непригодного к реализации социального мыследействия. Исходя из позитивного значения, утопическое понимается как идеальная модель, рожденная из критики реальной действительности и ориентированная на социальные трансформации. Утопия всегда конкретно-исторична, т.е. существует в социальных координатах «топоса» и «хроноса». При этом историческая пролонгация утопического дискурса свидетельствует об имманентности утопического человеческому сознанию.

Во втором параграфе первой главы «Инварианты утопического дискурса» выявлены и проанализированы сущностные характеристики феномена утопии.

В соответствии с «принципом надежды» Э. Блоха и преобразующей активностью утопии в концепции К. Мангейма, обосновано, что процесс взаимодействия утопического и реального поддерживается такими

инвариантными характеристиками, как рациональность, критичность, проективность, трансцендентность и универсализм.

Процесс социального познания и конструирования модели идеального общества исторически изменяется соответственно конкретным типам рациональности. Неизменной остается, порожденная рациональностью, способность к критической рефлексии и формированию идеального образа. Подчеркивается, что утопическая критика не тождественна нигилизму. Она диалектична, отрицая сущее, содержит переход к утверждению-аффирмации, формирует альтернативный проект. Проективность трактуется как репрезентация действительности, как преодоление противоречия между потребностями автора и миром. Тем самым подчеркивается отличие проекта утопии от проекта прогноза. Утопический проект идеального общества формируется в логике максимально возможного достижения соответствия предмета своей идее.

Образы трансцендентно-должного составляют квинэссенцию утопии. Поэтому признак трансцендентности утопии сохраняет и как онтологическая реальность, разведенная во времени и пространстве с наличным социальным бытием, и как характеристика особого состояния человеческого сознания, как одна из граней сущности социального.

Универсализм создает методологическую основу утопического подхода: в теологическом аспекте как убеждение в возможности спасения человечества; в этическом аспекте – как идея формулы категорического императива; в философском смысле как парадигма знания, основанная на принципах всеединства, общности и целостности.

Праксеологический аспект утопического проектирования требует обращения к феномену идеологии. Обосновывается отсутствие тождества между утопией и идеологией. Если все идеологии есть мировоззрение, то концепт мировоззрения, не ограничиваясь идеологией, включает в себя и утопию. То есть, оба феномена являются элементами ценностно-мировоззренческой структуры общества, оба ориентированы на сферу социального управления и политическую власть. Основное различие заключается в отношении к легальному социальному порядку: утопия – это критика сущего, протест или бегство от реальности посредством эскапизма или героики-реконструкции, идеология – это оправдание сущего, апологетика государственности и легитимация политической власти.

Сопоставление утопического и идеологического осуществлено по трем критериям: взаимоотношение будущего и настоящего; индивидуального и общественного; предельной цели и сиюминутной целесообразности. На основе данного анализа выделены и проанализированы такие системообразующие характеристики утопии, как эскизность, сингулярность и константность. Константа эскизности проявляется в диалектическом противоречии между стремлением утопии к практическому воплощению и ее вечной нереализуемостью, устремленностью к идеалу-аттрактору. Эскиз будущего противостоит настоящему и, охраняющему его, идеологическому конструкту с его претензией на неопровержимость существующих нормативно-

регулятивных механизмов. Константа сингулярности характеризует индивидуальность восприятия утопических образов и возможность самостоятельного выбора системы мировоззренческих координат. Идеология симулирует утопию, создавая на ее основе гиперреальность, нивелирующую индивидуальность в социальной стандартизации. В результате гиперреальность превращается в дистопию, тогда как утопия остается неизменной, вмещающая в себя вытесненную реальность. Поэтому, выражая «максимально предельный идеал» (Э.Я. Баталов), утопия обладает признаком константности, а идеологическая гиперреальность ситуационно трансформируется соответственно политико-экономической повестке дня.

Таким образом, в первой главе дискурсивно-регулятивная сущность утопии обоснована посредством анализа ее структуры (утопическая идея, утопическое сознание, утопическое преобразование действительности), сравнения с феноменом идеологии (эскизность, сингулярность и константность) и определения инвариантных характеристик (рациональность, критичность, проективность, трансцендентность, универсализм).

Во второй главе «Утопический реализм и реальный утопизм» проанализирована специфика реакции классической утопии на вызовы современной эпохи, ее взаимосвязь с реально-практическим актуальным бытием, обоснована тенденция принципиальной незавершенности утопического дискурса.

В первом параграфе второй главы «Прецеденты практической реализации теорий «идеального общества»: реальный утопизм» осуществлена ретроспектива праксиологической составляющей утопического дискурса.

На примере социализма советского типа исследована динамика социального бытия утопической идеи, раскрыты инварианты утопического в контексте строительства коммунистического «идеального общества». Революционный марксизм в России охарактеризован как социалистическая утопия российской модернизации, которая сформировалась вследствие интерпретации научной теории К. Маркса по таким ключевым концептам как общественная собственность, коммунизм, пролетариат, партия. Выявлена причинно-следственная взаимообусловленность социалистической идеи и конкретной практики реального социализма. С одной стороны, политико-экономические условия России определили направления утопической корректировки идей К. Маркса. С другой стороны, содержание утопического проекта начинает задавать направления идеологического перерождения социальной практики, что свидетельствует о проблематичности укоренения идеала в актуальной действительности. Общественно-государственная конструкция советского социализма определена термином «реальный утопизм» как констатация разрыва реальности и утопической идеи, в отличие от «утопического реализма» Э. Гидденса, гармонизирующего социальный идеал с тенденциями реального социального развития. Несовпадение желаемых и действительных институтов актуализирует проблему легитимации властвующего субъекта, которая решается посредством идеологической символизации реальности. В результате на пути к идеалу утопия перерождается

в политическую идеологию, а реальность обретает дегуманизирующие черты антиутопии, провоцируя кризис утопического в мировоззренческой картине мира.

Во втором параграфе второй главы «Социальные и гносеологические основания кризиса классической утопии» осуществлен анализ специфических трансформаций утопических инвариант в контексте мировоззренческого перехода к постмодернистской парадигме.

Рассмотрено влияние прогрессистских идей эпохи индустриализма на расцвет классической утопии. В качестве оснований, снизивших смысловую значимость утопического дискурса в обществе после модерна, определены, с одной стороны, прецеденты тоталитарно-идеологической деформации социального идеала, с другой стороны - гносеологический плюрализм постмодернизма, идеи «конца истории» и «смерти Бога». Как следствие, формируются утверждения об антиутопичности постмодернизма и «конце утопии» (Г. Маркузе).

С целью определения исторической логики развития утопического дискурса выделены исторические формы социального идеала и, соответствующие им, типы утопии. Обосновано наличие утопических инвариант в дискурсе постмодернизма:

Рациональность. Отказываясь от модернистских претензий на универсальную парадигму рациональности, центрированную на объекте, постмодернизм признает множество типов рациональностей, присущих конкретным социальным сообществам. Если классический тип рациональности оперирует понятием абстрактного человеческого индивида, схематизируя оптимально организованное утопическое будущее, то в русле постнеклассической парадигмы можно говорить о включенности аксиологических параметров человеческого бытия в процесс познания. Соотнесенность знаний, идей и ценностных ориентаций позволяет утверждать, что если в классической утопии социальная организация выполняла вторичную, инструментальную роль по отношению к нравственному идеалу, то в эпоху после модерна именно «разумная организация» (Л. Саржент) представляет собой утопический идеал.

Критичность. Если критика предполагает обнаружение противоречий, а мир в постмодернизме мыслится как текст, то критичность реализуется в интерпретации текстов, в поиске смысловых противоречий языковых кодов, в сопротивлении нормативно-регулятивным принципам «эпистемы» (М. Фуко). Поэтому можно утверждать, что с одной стороны, постмодернизм уходит от противоречий объективной реальности в дискурсивные практики, занимая приспособленческую позицию «лингвистического эскапизма». С другой стороны, направляет свой художественно-образный критический пафос на стиль мышления предыдущей эпохи посредством оригинальной деконструкции. Критичность и плюралистичность постмодернизма взаимосвязаны и свидетельствуют о способности к альтернативному взгляду на сущее, в основе которого - ментальный образ желаемого, социального идеала.

Проективность. Постмодерн, обозначая свое местоположение в «конце истории», знаменует собой свершенность всего и вся, а особенности «постмодернистской чувствительности» обесмысливают конструирование будущего. Однако, гносеологический плюрализм, минимизируя возможность социального предвидения, предполагает индивидуальное, многозначное видение этой реальности, способствуя формированию множественных утопий, толерантных к одновременному сосуществованию. В результате, феномен утопической проективности расширяет область приложения: от природы и общества смещается в социально-психологические, ментальные сферы.

Трансценденность. Исходя из того, что постмодернизм исключил из своего смыслового поля трансцендентные нарративы, а в субъективной эмпирике нет метафизического, можно предположить, что эпоха после модерна – мир тотальной имманентности. Однако постмодернистской гиперреальности, «симулякрам первого порядка» соответствует «воображаемое утопии», мир, в котором «вырисовывается сфера трансцендентного», «остров утопии, противостоящий континенту реального» (Ж. Бодрийяр). Дополнительным аргументом «против дискредитации понятия "трансцендентного" и экзистенциональной дезорганизации» (В. Dempsey) является зарождение метамодернистского мироощущения с верой в новые метафизические смыслы существования в «пределах беспредельного» будущего.

Универсализм. Вследствие мозаичности культуры постмодерна, ее недоверия «великим метанарративам» утопические дискурсивные практики складываются в отдельных фрагментах социума. Эти утопические идеи не имеют центробежных устремлений к единению и не претендуют на абсолютную истину и всеобщее счастье, поскольку любая обобщающая теория с логическим обоснованием закономерностей воспринимается как проявление догматизма. Однако глобальные проблемы современности требуют универсалистского подхода к разработке оптимистичных сценариев будущего, а толерантный постмодернизм не отрицает многообразие. Поэтому сделан вывод о неисчерпаемости утопического, о поливариантности форм трансформации классической утопии: индивидуалистические, психологические и др. утопии мирно сосуществуют с общечеловеческими мегапроектами.

Таким образом, во второй главе ситуация кризиса классической утопии проанализирована в контексте трансформации идей «утопического реализма» в практику «реального утопизма». Раскрыт адаптивный потенциал утопических инвариант в контексте мировоззренческого перехода к постмодернистской парадигме.

В третьей главе «Идеальное общество» и современность: реконструкция утопии» утопический дискурс эпохи постмодерна исследован на примере неклассических и постнеклассических форм конструирования будущего.

В первом параграфе третьей главы «Постновый Свет: утопические инварианты неклассического мега-проекта» проанализированы утопические инновации эпохи постмодерна в соответствии с тенденциями возможных

сценариев развития цивилизации.

В качестве примера «трансформирующихся» (И.В. Фролова) утопий современности рассмотрен мегапроект движения альтерглобализма. Обосновано, что символическое отражение глобализации как интеграционного процесса в противоположных идеологических течениях глобализма и антиглобализма содержит угрозу дистопической завершенности. Утопические инварианты раскрыты в контексте идей альтерглобализма. Диалектика глобальных взаимосвязей не ограничивается постиндустриальными обществами, т.к. «ситуация современности» в рамках планеты многослойна в историко-временном аспекте. Альтернативный интеграционный проект, принимая идею мирового взаимобмена, распространяет принцип Евросоюза «*In varietate concordia*» («Единство в многообразии») на все человечество, тем самым, противодействуя унифицирующей антиутопии. Глобальное социальное образование, формирующееся в результате синергии Старого и Нового Света, обозначено в работе термином «Постновый Свет». Инновационная форма интеграции альтерглобалистов - это проект открытого общества, стремящегося к единой социокультурной целостности, не допускающего идеологизацию идеи «*Holistic World*» или ее ситуационного использования в корпоративно-корыстных или геополитических интересах. Утопия «Постнового Света» как идеального межстранового и надгосударственного социального образования в поисках искомой новой мировой идентичности, выходит за пределы существующей на данный момент реальности.

Во втором параграфе третьей главы «Инновационная цивилизация: практопические и дистопические тенденции» исследованы особенности эволюции постнеклассических проектов идеального общества.

В соответствии с основными направлениями современного научно-технического развития представлены варианты цифрового и трансгуманистического будущего.

Особенности социального моделирования цифрового, идеального социально-политического устройства раскрыты на примере информационно-коммуникационного проекта «Облачной демократии» (Л. Волков и Ф. Крашенинников). Развивая эгалитарно-меритократические основы информационной и интегральной технократии (М. Бунге, М. Рокар), отечественные исследователи конкретизировали электорально-информационную составляющую политического самоуправления граждан на основе использования облачных интернет-технологий. Изучение «Облачной демократии» в контексте инвариантных характеристик утопии подтверждает утопическую сущность данного проекта. В тоже время, обоснована специфика процесса конструирования идеального будущего - это использование электорально-процедурного метода как метода «частных улучшений» (К. Поппер). «*Risctmeal*» – соционинженерия дает основание отнести «облачную демократию» к постнеклассическому жанру практопий как утопий «практических» (Э. Тоффлер), представляющих позитивно-реалистичную альтернативу.

Общие контуры идеального, трансгуманистического, конвергентно-технологического будущего определены в соответствии с концепцией «общей эсхатологии» проф. В.И. Курашова. В контексте эсхатологической оценки «постчеловеческого общества» выявлены антигуманистические тенденции, среди них: утрата индивидуальной уникальности; избыточность мира «нравственной свободы»; технологическое неравенство; «постчеловечность» властвующего субъекта; беспредельная управляемость нейросоциума; последствия тотального контроля над сознанием в области прав и свобод. Анализ сущности трансгуманизма с позиций его принадлежности к утопическому дискурсу продемонстрировал, во-первых, пролонгацию гуманитарных рисков из настоящего в будущее и их дистопическое углубление в конвергентном процессе «транс-перехода»; во-вторых, наличие большинства, но не всех утопических инвариант. Отсутствие инварианты «критичности» в ее утопическом, социально-протестном неприятии сущего и прогностическая экстраполяция состояния науки и техники в область будущего дают основание отнести трансгуманизм, базирующийся на NBIC-конвергенции, к области футурологии на границе с дистопией.

Таким образом, в третьей главе выявлены эволюционные тенденции неклассического и постнеклассического утопического дискурса: сосуществование мега-проектов и конкретных «практических утопий», ориентация на открытость, коммуникативность и научно-технологическую обоснованность, на пересечение с прагматической футурологией при сохраняющейся опасности вырождения в дистопию. Новые утопические тренды свидетельствуют о новых рисках и новых возможностях, продуцируемых современной эпохой, а значит, об инновационном содержании и о поливариантности форм прогностического видения будущего.

В заключении подводятся общие итоги исследования, формулируются выводы, намечаются перспективы последующих изысканий.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

В изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Леонтьев, Г. Д. Инварианты структуры утопического дискурса / Г. Д. Леонтьев // Вестник ЧелГУ. 2016. – № 10 (392). Философские науки. Вып. 42. – С. 18–21.
2. Леонтьев, Г. Д. Антиутопичность постмодернизма или постмодерн утопического? / Г. Д. Леонтьев // Известия УрФУ. Серия № 3. Общественные науки. – 2017. Т.12. – № 2 (164). – С. 78-86.
3. Леонтьев, Г. Д. Ретроспектива утопического дискурса/ Г. Д. Леонтьев // NB: Философская мысль. – 2017. – № 3. – С.61-76. DOI: 10.7256/2409-8728.2017.3.18518. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_18518.html
4. Леонтьев, Г. Д. Траектория утопического: от должного к сущему / Г. Д. Леонтьев // NB: Социодинамика. – 2017. – № 4. – С.126-136. DOI: 10.7256/2409-7144.2017.4.22751. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_22751.html
5. Леонтьев, Г. Д. Диалектика свободы и собственности в обществе реального утопизма / Г. Д. Леонтьев, Л. С. Леонтьева // Социодинамика. – 2018. - № 4. - С.56-64. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.4.25198. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_25198.html

В изданиях, индексируемых в БД Scopus и Web of Science:

6. Leontyev, G. D. On the way to the ideal state: internet against corruption / G. D. Leontyev, E. S. Cherepanova, L. F. Gaynullina [et al.] // MII-MII(-SP) - Man In India (ISSN 00251569 – India - Scopus). Vol.: NO. 97 (2017) ISSUE NO.: 7 (2017). PP.155-163. URL: <http://www.serialsjournals.com/serialjournalmanager/pdf/1496124933.pdf>
7. Leontyev, G. D. Dialectics of freedom and alienation in the space of the internet / G. D. Leontyev, A. M. Safina, L. F. Gaynullina [et al.] // Revista ESPACIOS (ISSN 0798 1015 -Venezuela-Scopus). Vol. 39 (N°27) Year 2018. Page 8. – URL: <http://www.revistaespacios.com/a18v39n27/18392708.html>
8. Leontyev, G. D. Implementation of state Utopia: issues of property and freedom / G. D. Leontyev, L. S. Leontieva, T. V. Khalilova // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018, www.sgemsocial.org, SGEM2018 Conference Proceedings, ISBN 978-619-7408-64-5 / ISSN 2367-5659, 26 August - 1 September, 2018, Vol. 5, Issue 1.4, 383-389 pp.

В других изданиях, входящих в базу данных РИНЦ:

9. Леонтьев, Г. Д. Утопия как проектно-протестное мировоззрение / Г. Д. Леонтьев // Философские проблемы: вчера, сегодня, завтра: ежегодный сборник научных статей. – Ростов-на-Дону: Изд. комплекс РГЭУ (РИНХ), 2017. – С. 33-40.
10. Леонтьев, Г. Д. Альтерглобализм как метод борьбы с антиутопией / Г. Д. Леонтьев // Утопические проекты в истории культуры/ Сборник материалов Всероссийской (с международным участием), междисциплинарной научной конференции «Утопические проекты в истории культуры (к 500-летию

«Утопии» Томаса Мора): Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Фонд науки и образования», 2017. – С.282-284.

11. Леонтьев, Г. Д. Эскиз утопии & конструкт идеологии / Г. Д. Леонтьев // Социальная онтология в структурах теоретического знания: материалы VIII Международной научно-практической конференции, Удм. гос. ун-т, науч. школа «Proxima» / Под общей ред. О.Н. Бушмакиной, Э.Р. Рогозиной. – Ижевск: Изд.центр «Удмуртский университет», 2016. – С.113-117.

12. Леонтьев, Г. Д. Либертарианская утопия: общество без коррупции / Г. Д. Леонтьев // Организационно-управленческие механизмы анти-коррупционной деятельности: российский и зарубежный опыт: сборник тезисов докладов и статей IV Международной научно-практической конференции, РЭУ им. Г.В. Плеханова / отв. ред. Р.А. Абрамов. – М.: ООО «ИД Третьяков», 2016. – С.94-96

13. Леонтьев, Г. Д. Гражданское общество как базовый элемент «открытого общества» К. Поппера / Г. Д. Леонтьев // Тенденции и закономерности развития современного российского общества: экономика, политика, социально-культурная и правовая сфера: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Чистополь, ИЭУП. – Казань: Изд-во Познание, 2013. – С. 247-249.

14. Леонтьев, Г. Д. Механизмы экологизации социально-политической среды / Г. Д. Леонтьев, Л. Ф. Гайнуллина // Экологизация как условие инновационного развития России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Отв. редакторы О. Д. Агапов, Л. Н. Салимов, Е. И. Галеева. - Казань: Изд-во Познание, 2013. – С.19-21.

15. Леонтьев, Г. Д. «Реальный утопизм» советского социализма / Г.Д. Леонтьев // 100-летие Великой русской революции: проблемы и перспективы изучения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 15 ноября 2017г. – Казань: КНИТУ- КАИ им. Туполева, 2018. – С. 63-65.

Учебное пособие:

16. Леонтьев, Г. Д. Утопические учения в истории философии. Учебное пособие с вводной статьей проф. В. И. Курашова «Утопические и антиутопические проекты: методологические принципы анализа и отечественная традиция» / Г. Д. Леонтьев. – Казань, 2018. – 84 с.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета

Формат 60–84. Печать Цифровая 1,25 усл.п.л.

Тираж 100 экз. Заказ № 179

Подписано к печати: 17.12.2018

Участок ротационной печати ИБ КГМА
(420012, г. Казань, ул. Бутлерова, 36)

10